

Высшая государственная власть

Сталинская модель государственности выстраивалась по цезарьанским формулам. Характерно, что с 1934 г. И. В. Сталин не занимал никаких государственных постов. Его власть жаждалась не на должностных функциях, а на признании в качестве вождя.

Конституция 1936 г. закрепила руководящее положение ВКП(б) в системе государственного управления. Однако партийные структуры отодвигаются в этот период на второй план. Особенно это очевидно стало после не вполне удачного для И. В. Сталина XVII съезда. Формируется модель не партийно-коллегиального, а автосубъектного властвования. Усматриваются очевидные компоненты реанимации в модифицированном виде традиционного для России царистского культа.

В первое послереволюционное десятилетие благожелательное, тем более апологетическое, отношение к представителям царской фамилии считалось недопустимым. Обвинение в монархизме являлось наиболее клеймящей формулировкой определения «классового врага». Принцип вождизма, положенный в основу политического режима большевиков, восстанавливал де-факто монархическую власть, лишённую внешнего лоска царскосельского периода. Особенности государственного функционирования Римской и даже Византийской империй, прикрывающих неограниченный монархизм республиканской формой правления, представляет исторический прецедент, вызывающий ассоциации с монархической республикой большевистской власти. Сталинский авторитаризм являлся, по-видимому, осознанным генеральным секретарем выбором в пользу монархии, как наиболее исторически приемлемой для России формы правления. Ещё в 1920-е гг. Сталин рассуждал

о царистской ментальности русского народа, что эпатировало партийных «коммунистов». Р. А. Медведев ссылался на слова генерального секретаря, произнесенные им еще в 1926 г.: «Мы живем в России, в стране царей. Русский народ любит, когда во главе государства стоит какой-то один человек»⁵.

По другому свидетельству, Сталин, за ужином на квартире С. М. Кирова, на замечание хозяина, что после смерти Ленина осталось только уповать на ЦК и Политбюро, т. е. институты коллегиальной власти, возразил: «Да, это верно — партия, ЦК, Политбюро. Но учтите... веками народ в России был под Царем. Русский народ — царист. Русский народ, русские мужики привыкли, чтобы во главе был кто-то один»⁶.

При Сталине происходит историческая реабилитация если не института монархии как такового, то отдельных представителей монархической власти. Создаются апологетические художественные полотна литературной и кинематографической продукции, акцентированные на деятельности Александра Невского, Дмитрия Донского, Ивана Грозного, Петра I. Любимый исторический персонаж Сталина Иван IV, в одной из не предназначенных для официального использования заметок, был оценен генеральным секретарем как учитель (не Ленин, а царь, жупел тираноборческой литературы!). В рекомендациях к фильму С. М. Эйзенштейна «Иван Грозный» Сталин сформулировал свое понимание смысла политического курса царя, подразумевая его как исторический опыт для конструирования собственной модели государственности: «Мудрость Ивана Грозного состояла в том, что он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою страну не пускал, ограждая страну от проникновения иностранного влияния»⁷. Сталин не был монархом, подобным императорам петербургского периода истории России, он возрождал архетип опричного царя старомосковской Руси.

⁵ Медведев Р. А. К суду истории. О Сталине и сталинизме. М.: Прогресс, 1990. С. 628.

⁶ Диалог. 1991. № 1. С. 81.

⁷ Марьямов Г. Кремлевский цензор. Сталин смотрит кино. М.: Конфедерация союзов кинематографистов «Киноцентр», 1992. С.85.